

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-215-236

КОНЦЕПТ АУТЕНТИЧНОГО РАЗВИТИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВНАЯ МОДЕРНИЗАЦИИ ИДЕОЛОГИЯ

С.Г. Ильинская

Сектор истории политической философии
ФГБУН «Институт философии Российской академии наук»
ул. Гончарная, 12, стр. 1, Москва, Россия, 109240

Статья сконцентрирована на ключевых аспектах сформулированного автором концепта аутентичного развития, который, выступая в роли глобально-локальной идеологии, в перспективе дает основания самым различным участникам международных отношений для общего поиска самостоятельного для каждого пути развития, альтернативного навязанному доминирующими на глобальном уровне силами. Автор формулирует данный проект переустройства эколого-экономической, политической и социальной сфер российского общества с опорой на традиционные, семейные и аграрные ценности, консервативную стратегию и альтернативную рациональность. Исследование осуществлено в рамках критической теории (критика общества потребления), с использованием методов политической концептологии. Это — философия жизни, интегрированная в проект социально-политического переустройства.

Прекращение всемирного идеологического противостояния после окончания «холодной войны», вопреки ожиданиям, лишь умножило и усугубило ряд глобальных рисков, а установка на развитие общественных наук в общемировом масштабе в рамках западочентричной парадигмы породила такой идеологический диктат, который ранее было невозможно даже вообразить. Несмотря на глобальность мировых угроз, для возрождения подлинного дискуссионного пространства по поиску путей выхода из кризиса назрела необходимость найти на них локальные ответы, укорененные в традициях и культуре различных цивилизаций. А для России поиск аутентичного пути является еще и единственным условием самосохранения.

Ключевые слова: аутентичное развитие, традиция, подлинные ценности, аграрная сфера, консервативные стратегии, альтернативная рациональность, общество потребления

Мы живем в эпоху, когда «старые» идеологии: либерализм, консерватизм, социализм, коммунизм, национализм, — практически повсеместно утратили свое значение. Либерализм и его исторические оппоненты консерватизм и социализм настолько переплелись, подверглись диффузному взаимопроникновению, временами сливаясь или даже превращаясь в свою противоположность, что почти полностью утратили идентификационную сущность и мобилизационный ресурс. Коммунизм в качестве глобальной идеологической оппозиции либеральной демократии понес настолько сокрушительные потери после распада СССР, что даже в период своего могущества был (в качестве антикапитализма) квалифицирован как часть мировой капиталистической системы [29]. Что касается идеологии национализма, то ее позиции, после бурного всплеска конца XX века, также неуклонно утрачивают свое значение ввиду повсеместного утверждения «новых идеологий»: глобализма, исламского фундаментализма. Движения, позициониру-

ющие себя в качестве оппозиционных — альтерглобализм, эко-движение зеленых и др., по существу являются частью глобальной либеральной идеологии, к тому же им не хватает мощи и ресурсов национальных государств для реального противостояния.

Сущность предлагаемого концепта аутентичного развития в том, что он дает основания для объединения усилий на глобальном уровне самых различных национально-государственных участников в их противостоянии идеологии глобализма, оставляя при этом для них возможность самостоятельно искать пути развития, давать аутентичные ответы на вопрос о том, каким должно быть это развитие. Эта идеология на внутри- и внешнеполитическом уровне дает почву для преодоления подавленной идентичности, вторичности, неполноценности, догоняющего развития, следования чужой логике. Термин имеет некоторые преимущества в сравнении с ранее предложенными («динамический консерватизм», «суверенная демократия» и др.), т.к. включает в себя четко очерченную перспективу.

Осмысление и политологическое теоретизирование по любому вопросу, естественно, включает в себя апологетику собственного прошлого и настоящего. Вот почему, заимствуя западные теоретические наработки как «истинное», «беспристрастное», объективное и внеидеологическое знание, в действительности, отечественная политология заимствовала и ряд идеологем, совершенно разрушительных для сознания советских, а затем и российских людей, приведших к комплексу неполноценности в теоретическом мышлении, а в плоскости практической политики к множеству серьезных последствий, включая пересмотр итогов ВОВ.

Принимая зарубежных ученых за безусловный авторитет, а западные демократии за образец политического устройства, отечественные политологи в своем анализе российской политической реальности вынужденно убеждались в том, что отечественный опыт и наличная практика не соответствуют тем идеальным моделям, которые предложены нам западной политологией. (Впрочем, как не соответствует им сегодня и западная действительность.) В то время как для научных исследований в социогуманитарной сфере необходима ориентация на ценностно-нейтральное и всесторонне-объективное осмысление отечественного и мирового опыта (как западного, так и восточного) [19], безусловный отказ от идеализации западной модели развития, в которой мы констатируем ориентацию на удовлетворение все возрастающих потребностей, отсутствие трудовой этики и в целом смысла жизни.

Любое государство, а тем более такого масштаба, как наше, не может в социогуманитарной сфере обойтись без известной доли почвенничества. В настоящее время назрела необходимость переориентации от парадигмы модернизации в пользу парадигмы аутентичного развития, понимаемого как стремление к такой гармонии экологической, социальной, экономической и политической сфер, которая опиралась бы на собственный историко-культурный опыт и традиционные ценности. Этот проект в своей эколого-социо-экономической составляющей имеет

существенные пересечения с так называемым устойчивым развитием, принципы которого задолго до Римского клуба были сформулированы академиком В.И. Вернадским. В ценностно-социо-политической составляющей он созвучен динамическому консерватизму Михаила Ремизова и Виталия Аверьянова (восходя к трудам В.Н. Лосского).

Предложенный термин представляется мне более адекватным, поскольку парадигма устойчивого развития слишком сильно заражена мальтузианством и не имеет никакого отношения к России. Озабоченность ограниченностью планетарных ресурсов и предлагаемые для решения данной проблемы рецепты этой доктрины слишком часто были сконцентрированы на регулировании численности населения планеты с целью сбережения ресурсного потенциала (в том числе и российского) для сохранения высокого уровня потребления «золотого миллиарда».

Глобализация несколько изменила подход «сильных государств в их стремлении к мировому господству. Если раньше они делали ставку на завоевание государства, то в настоящее время используют в основном невоенные средства для достижения господства». Прежде всего, через формирование «компрадорской мафиозно-бюрократической элиты, которая способствует получению „договорного“ доступа к природным богатствам слаборазвитых стран», обеспечивает «сокращение населения... за счет скрытого геноцида: дорогое медицинское обслуживание и лекарства, навязывание зависимости от потребления алкоголя, табака, наркотиков, разрушение семьи, провоцирование военных вооруженных конфликтов, духовно-нравственное порабощение через СМИ и массовую псевдокультуру и т.п.» [25. С. 158].

Либеральная демократия не столько предоставляет рядовому обывателю свободу ответственного выбора, сколько свободу вести «частную жизнь», сосредоточенную вокруг «индивидуальных интересов», дарит людям свободу от бремени самостоятельного принятия ответственных решений [25. С. 168]. «Мощное наступление сторонников неолиберализма или рыночного фундаментализма, предпринятое с конца 80-х гг. прошлого века, привело к тому, что институт рынка стал захватывать все новые и новые сферы общественной жизни во всех сравнительно развитых странах мира» [31. С. 102]. Однако «государство не может рассматриваться как корпорация по предоставлению услуг населению, а ее президент всего лишь как руководитель корпорации», поскольку в этом случае «ее высоколиквидные активы могут быть проданы с большой выгодой для руководителей... вплоть до суверенных прав на территорию, сырьевые ресурсы и т.д.» [31. С. 102—103].

В связи с этим особенно актуально звучат ключевые принципы динамического консерватизма: цивилизационный антиглобализм/континентализм (в том числе геополитический суверенитет); экономический солидаризм нации (протекционизм, социальная справедливость и госсобственность на недра и инфраструктурные монополии); демографический национализм (приоритет репатриации, а не иммиграции, сохранение традиционных демографических структур идентичности); государственный легитимизм (неделимость страны) и религиозный тра-

диционализм (приоритет традиционных религий как способ возрождения некоей этикоцентристской парадигмы) [1], которые мною большей частью разделяются и некоторым образом дополняются.

Авторов, разрабатывающих программы реформирования отечественной экономики и финансовой сферы, альтернативные ныне действующим либеральным, на сегодня немало, в их числе: С. Глазьев [2], М. Делягин, М. Хазин, С. Батчиков. Все они — наследники тех принципов, которые ранее сформулировал в своих трудах ныне покойный академик Дмитрий Львов [14].

Рецепты предлагаемых (в чем-то между собой различных) вариантов комплекса мер в данной сфере включают в себя отказ от игры по международным финансовым правилам, выход на новый технологический уровень и развитие различных производств на этом уровне, уход от урбанизации, в значительной степени самообеспечение продовольственными и потребительскими товарами, снижение социальной напряженности и гармонизацию общественных отношений благодаря занятости отечественного населения на небольших рассредоточенных высокоэкологичных предприятиях, решение жилищной проблемы посредством выкупа государством по неспекулятивным ценам пустующего инвестиционного жилья и многое другое. К сожалению, на уровне практической политики данные разработки пока остаются не востребованными.

Патриотично ориентированные экономисты считают отказ от международных финансовых «правил игры» и выход России на новый технологический уровень, превосходящий западные инновационные достижения, единственным шансом, сохраняющим за нашей страной перспективу выживания в геополитическом соперничестве.

В чем я вижу проблемы?

1. Что касается финансовой стороны вопроса, то главным препятствием является сохранение существующей политической системы при почвенническо-патриотических декларациях. Китай и ему подобные государства, договариваясь с нами о взаиморасчетах в национальных валютах, пока выжидают, не переходя к практической стороне дела. Нам просто не верят, не видя реально альтернативного проекта.

2. Существующая капиталистическая экономика является главным препятствием для технологического рывка. Даже при точечном внедрении тех открытий, что были сделаны отечественной наукой еще в XX веке, можно существенно удешевить производство многих товаров и сделать их более экологичными. Собственнику в рыночной экономике это крайне невыгодно. Существуют налаженные технологические цепочки, вырваться из которых — нецелесообразно. К таким масштабным изменениям может приступить только государство.

3. Как показал опыт Сколково и ему подобных проектов, даже на государственном уровне в условиях ценностного кризиса они невозможны в принципе. Сколько денег не выделяй на строительство, проведение исследований и их внедрение, скорее всего, эти средства будут украдены.

«Неизменность „вотчинного“ характера российской власти порождает ошибочное отношение к государству со стороны революционеров — инициаторов

„взрыва“ системы... В России и реакционеры, и революционеры путают „государство“ с конкретными физическими лицами, в данный момент отправляющими властные функции... Традиционным противовесом произволу власти является противопоставление ей другой власти. История выработала такой противовес — это развитие независимой судебной власти при одновременном укоренении в общественном сознании ценности правового начала и закона. Однако именно эти условия получили крайне слабое развитие в российской действительности» [26. С. 49].

Отечественным способом ограничения самодовлеющего государства на протяжении многих веков была идеократия. Причем помимо великодержавности, ключевой приметой регулятивной идеи в СССР было стремление к справедливости. Реформы последних 30 лет привели к тому, что впервые российской «религией» стала имманентно не присущая нам страсть к наживе, к тому же не ограниченная (как во многом пока еще на Западе) правовой ответственностью. И все чаще в качестве меры борьбы с сегодняшним всевластием коррумпированной бюрократии называют репрессии или опричнину, актуализируя образы Иосифа Сталина или Ивана Грозного в положительном ключе [3; 8]. Общественности очевидно, что без жестких репрессивных мер в этой сфере скорее всего положительных сдвигов добиться не удастся.

Многие рассуждения и предложения по поводу очередного мобилизационного проекта, которые мы слышим сегодня, лишены одной важной составляющей, придающей и веру в собственные силы обществу, и смысл любому проекту, — сакральной. Реиндустриализация на новых основаниях, технологический рывок и т.п. вещи станут возможны тогда, когда мы поймем зачем, ради чего они нам нужны. И когда мы сегодня отвечаем на этот вопрос: для того, чтобы быть, остаться, сохраниться, — этого уже недостаточно. Потому что среди «русской» интеллектуальной «элиты» довольно много людей, для которых не так уж важно сохранение России в ее нынешних границах, сохранение русской культуры и т.д. [18]. Главное, чего лишилось российское общество в ходе реформ — это смысла жизни, который не может быть в неумеренном потреблении, влекущем за собой исключительно пресыщенность. Такой смысл дает человеку религиозная жизнь (жить по заповедям и готовиться к загробной жизни). Но значимую долю россиян на сегодня составляют граждане, не принадлежащие ни к одной из религий. Такой смысл давала, кстати, жизнь советская. О необходимости возвращения в ценностный каркас российской жизни «Общего Блага» и нерелигиозной сакральности заявляют сегодня Римма Соколова и Валерия Спиридонова [24]. Пока же недостаток содержательного измерения российской жизни приводит к ностальгии по СССР. Современная российская власть открыто паразитирует на советском наследии не только в материальном, но и в символическом плане, вплоть до перепевания старых песен, переименования лозунгов и т.п.

Проект аутентичного развития предполагает наличие такого смысла. Естественно, он не может быть заранее дан в готовом виде. Общество смысла должно сформулировать его на базе подлинных ценностей силами своих граждан, поскольку его устройство несет в себе некоторые предпосылки к этому. Итак, в какой форме общество смысла могло бы состояться в России?

Мы сегодня живем в мире с устаревшими структурами повседневности. Эти формы организации жизни обладали целесообразностью в индустриальном обществе, ключевыми характеристиками которого являлись: «иерархическая организация производства, апология науки и техники, акцент на потребительстве и материальных ценностях, унификация, проникшая в быт населения (школа, армия, больница)» [21. С. 4]. Не рискну утверждать, что в настоящее время российское общество входит в ситуацию постиндустриального общества. Александр Дугин определяет ее как «археомодерн» [5]. Однако тех условий и потребностей индустриального общества, ради которых осуществлялась повсеместная урбанизация, на сегодня нет.

Массовое проживание людей в городах, таким образом, сохраняется совершенно неоправданно. Мало того, оно крайне вредно с различных точек зрения. Современный город — бессмысленное скопление людей, занятых непродуцибельным трудом и ведущих крайне нездоровый образ жизни. Их работа — офисное сидение. К месту работы и обратно сотрудники добираются, находясь за рулем автомобиля или же в вагонах метро, электричек, салонах общественного транспорта, зачастую простаивая в пробках. Все они, как правило, «перерабатывают» ради денег, которые приносит подобный «труд», пересидевшая на рабочем месте сверх положенного времени. Занятия фитнесом вопроса не решают, даже, напротив, нередко влекут за собой еще больший урон здоровью. Опыт кавказских пастухов-долгожителей давно доказал, что для здоровья человеку нужно не «кидать железо» в спортивном зале, а гулять по пересеченной местности и вести созерцательный образ жизни.

Горожане не бывают на свежем воздухе, крайне мало двигаются, питаются вредной пищей. Как правило, не воспитывают своих детей, перекладывая эту обязанность на нянь и детские учреждения. По выходным развлекаются, посещая рестораны и торгово-развлекательные центры, где стремятся потратить «заработанные» деньги. У них очень плохо со здоровьем. Даже довольно молодые люди страдают болезнями опорно-двигательного аппарата ввиду атрофии мышечного каркаса спины, варикозным расширением вен вследствие слабости икроножных мышц, ожирением из-за переедания и гиподинамии и многими другими последствиями сидячего образа жизни. Их досуг — псевдообщение в Интернете, компьютерные игры и прочая виртуальная жизнь, в которой нет подлинных страстей, чувств и напряжения. Их стрессы непродуктивны, т.к. не предполагают активных действий по преодолению сложившейся ситуации. Они гедонистически нежат и тешат свое тело, а интеллект занимают бессодержательными развлечениями. Единственный доступный для них вид творчества — приготовление пищи, поедание которой усугубляет существующие проблемы. Эти люди практически ничего не делают сами, постоянно нуждаясь в гигантском обслуживающем персонале: уборщики и дворники, различного рода сотрудники салонов индустрии сервиса, досуга, здоровья и красоты. В их числе дизайнеры и художники, визажисты и массажисты, бухгалтеры и юристы, повара и официанты, всевозможные мастера по ремонту (от строительных рабочих до компьютерных гениев). Современный человек безнадежно зависим от специалистов, которые таковыми, как

правило, не являются и добросовестностью не отличаются. В связи с этим ему, с одной стороны, необходимо постоянно делегировать им задачи по решению своих проблем, с другой, довериться полностью им все-таки невозможно, а необходимо постоянно контролировать.

Особенно вредно вышеизложенные обстоятельства сказываются на детях, которые так же, как и взрослые, включены в бездуховную потребительскую гонку и проводят практически круглые сутки в замкнутом пространстве: транспорт, школа (детский сад), кружки (секции), дом. И тоже, в основном, глядя в экран ТВ, компьютера, различных гаджетов. Содержание кислорода в помещениях даже при регулярных проветриваниях крайне низкое, а поскольку огромное количество транспорта приводит к предельной загазованности городской атмосферы и смог не пропускает ультрафиолет, то прогулки в урбанизированной среде превращаются в условность.

Городской житель не только лишен солнца и свежего воздуха, но и никогда не употребляет свежей пищи, тогда как Россия — одна из немногих в мире стран, где земельные и водные ресурсы позволяют осуществить реальное рассредоточение населения. Единственное препятствие этому — сложившаяся структура экономики. К сожалению, в политике сегодня принимаются прямо противоположные, нередко — абсурдные решения. Огромные средства тратятся не на развитие регионов, а на строительство транспортных развязок, новых линий и станций метро в связи с планомерным расширением Московского мегаполиса, мусор из которого ныне вывозится уже в Калужскую область...

Критика индустриального, а затем и постиндустриального общества звучала в трудах многих постиндустриальных левых, которые формулировали свои идеалы с помощью таких слов, как: «счастье», победа «логики жизни» над «логикой прибыли», «Мир не товар», «Человек не товар» [21. С. 206—207, 244]. В их работах также присутствовали: констатация того, что вытеснение традиционных ценностей привело к гедонизму, утрате морали и смысла жизни (Фурастье); требование сведения роста к нулевому уровню, желание отвоевать у существующего общества, основанного на продуктивистской и торговой рациональности, некие пространства автономии (Горц); стремление преодолеть безграничный рост искусственных потребностей (Гэлбрейт) и неравенство в удовлетворении естественных потребностей в чистом воздухе и воде, зелени, тишине (Бодрийяр); желание остановить все большее порабощение техникой человека и общества в целом (Элюль) и установить новые формы социальной жизни, свободные от безудержного рационализма и иллюзии мнимого превосходства экономического расчета (Касториадис); тяга к тому, чтобы строить политические отношения на основе многочисленных ассоциаций, связанных с землей, и прямой демократии, основанной на различии и качественном своеобразии (Лефевр) [21. С. 180, 189, 193—194, 200, 203, 213—214].

По утверждению Ирины Мюрберг, «аграрная сфера всегда демонстрировала... новому укладу свое нежелание расставаться с определенным набором прежних ценностей». Она развила тезис теоретика «третьего пути» для России Ю.М. Борода о преодолении индивидом отчуждения посредством аграрной сферы, которая

в силу присущей земледельческому труду специфики служит «опорной точкой» для самоидентификации, «твердой почвой» не для традиционалистских, а для динамичных консервативных сил, действующих по принципу «сохраняя, изменяй» [17. С. 11, 14—15, 127].

И. Мюрберг подчеркивает, что еще у Маркса возникает мысль о «собственной рациональности» земледелия, несводимой к инструментальной рациональности, именно поэтому предмет аграрного труда — живая природа с каждым циклом индустриально организованного производства становится все менее живой, катастрофически удаляясь от своего первоначального плодородия [17. С. 29, 73].

Цитируя американского профессора Роберта Паарлберга, который почти дословно повторяет наблюдения Маркса о самоэксплуатации крестьянского хозяйства семейного типа и обращает внимание на инициативность, готовность фермера и его семьи к ненормируемой работе и способность довольствоваться минимальным доходом от своей деятельности, она объясняет данный феномен внеэкономическими основаниями их деятельности. Этика заботы о живых организмах не имеет ничего общего с утилитарной этикой [17. С. 74, 82].

«Крестьянское мирозерцание ориентировано на некую желанную середину, на уход от крайностей. Поэтому нравственные устремления состоят в том, чтобы соблюдать в действиях разумную меру, или умеренность между крайностями. Это требование, как правило, соблюдается людьми неохотно» [23. С. 145]. Необходимость подобной умеренности настойчиво подчеркивалась основателем крестьяноведения Александром Чаяновым, равно как и ценность труда, который он полагал ключевым условием нравственности и человеческого достоинства [30], много усилий затратившим на разработку теории некапиталистических форм хозяйствования [10].

Крестьяне, находясь в уникальном биосоциальном и природном комплексе, вынуждены приспосабливаться к законам воспроизводства живой природы и вырабатывать особый тип рациональности, психологии и поведения в естественно-природной среде, благодаря которому органичное аграрное общество лишено крайностей индустриальной цивилизации и способно уравниваться традиционными ценностями — почитанием земли, растительного и животного мира.

Проживание в сельской местности позволяет вести активный и здоровый образ жизни, видеть результаты своей деятельности, растить подрастающее поколение не в искусственном мире, а на свежем воздухе, в общении с природой и животными, приучать его к труду, созидательному творчеству. Подобный образ жизни позволяет практиковать реальное самообеспечение продуктами питания, иметь обширное жизненное пространство. Единственное условие — возможность трудовой занятости хотя бы одного члена семьи за пределами домохозяйства, что достигается в случае развития диверсифицированной экономики, рассредоточения занятости, возрождения реального сектора. Тем более что современные средства связи позволяют дистанционно выполнять многие виды интеллектуального труда.

Вот почему подобное переустройство российской жизни — благодатная почва для развития гражданского общества и низовой (прямой и непосредственной)

демократии, которая постепенно сможет «отвоевывать» пространство у бюрократического сектора. Деиндустриализация страны после распада СССР в данном случае — позитивный фактор, т.к. позволяет не иметь балласта устаревших производств, налаживать новый технологический уклад «с чистого листа».

Однако для подобной пасторальной идиллии нужны рамочные условия, многие из которых прописаны идеологами динамического консерватизма. Главное из них — это сильное и обороноспособное государство, чей реальный суверенитет позволит гражданам беспрепятственно наслаждаться буколической жизнью. Кроме того, «российское государство должно обладать высшими трансцендентными целями», а высшая власть иметь политическую волю для их реализации, тогда и «средством их достижения будет выступать административно-управленческий аппарат, чиновничество, которое было и остается стеновым хребтом российского государства. Как только высшая власть теряет свой динамизм, свою политическую волю, бюрократия начинает активно вторгаться в политическое пространство высшей власти и обращать свою деятельность при отсутствии высших целей себе во благо» [31. С. 144].

Крестьянское соседство, где каждый знает друг друга, является благодатной почвой для возрождения отношений доверия, даже если их суть на первых порах будет сводиться к простому обмену сельскохозяйственной продукцией между соседями. На уровне сельских общин легко решаются многие неразрешимые на сегодня в городских условиях проблемы. Например, сортировка и утилизация бытовых отходов, так как каждое домохозяйство заинтересовано занимается этим самостоятельно, да и переработку организовать гораздо легче, поскольку часть их (пищевые отходы) сразу же компостируется или скормливается животным, часть (картон, бумага) уходит на растопку печей. В то время как в анонимных городских условиях для внедрения практик раздельного сбора бытового мусора необходимо существенное увеличение репрессивного аппарата.

Отдаленность местоположения и немногочисленность населения способствуют созданию и поддержанию местных институтов самоуправления, которые становятся очагом альтернативного жизненного уклада. Крестьянство «стремится жить свободно на своей земле в составе гражданских сообществ, устроенных на справедливых началах» [23. С. 148], тогда как городское общество — не столько открытое, сколько анонимное и абстрактное общество [17. С. 92, 100].

Земледелие проявляет себя как сфера неотчужденного труда вследствие вовлеченности в него субъекта деятельности, в то время как горожанин максимально дистанцируется от результатов своего профессионального труда [17. С. 98—99]. «Аграрная сфера оказывается культурно самодостаточной — не в изоляционистском понимании, а в плане сохранения собственного ресурса политической субъектности. Эта самодостаточность позволяет ей политически интегрироваться в современное общество не в качестве традиционалистской, но в качестве консервативной силы» [17. С. 126—127].

Урбанизированная среда — напротив, является благодатной почвой для забюрократизированности всех сфер российской жизни (сегодня жесткой регламентации подвержены многие виды профессий, которые прежде входили

в разряд творческих: учитель, врач, преподаватель, ученый). В этом отношении положение дел даже в Советском Союзе был намного лучше вследствие смешения двух видов власти (политической и административной), тогда как современная российская бюрократия способна в лучшем случае формально выполнять далеко не совершенные законы. На сельском уровне до сих пор административная власть есть в то же время власть политическая.

Административный тип власти в чистом виде «не только автономен и устойчив, он носит экспансионистский характер. Это означает, что бюрократическая модель властвования... способна захватить ту часть государственной власти, которая должна жить по законам политической логики... В отличие от административной, политическая власть призвана выработать проект существования общества, и потому вовлечена в трудный процесс генерации идей о целях, смысле, задачах и стратегии развития общества... Сегодня, когда мы переживаем очередной “кризис идентичности”, необходимость выработки целостного и прочного самопонимания, ...осмысления культурных особенностей российского общества вкупе с разработкой нового проекта развития и новой идеологии существования становятся в ближайшем будущем нашей главной задачей» [26. С. 43, 60].

Городская среда также является благодатной почвой для бунтов и революций, народных возмущений, которые легко могут вспыхнуть, поскольку городской житель полностью зависим от поставок продуктов питания. Выступления рабочих в Петрограде в начале 1917 года были спровоцированы саботажем булочников, переставших выпекать хлеб из имеющейся в наличие муки. Распаду СССР предшествовали массовые митинги в столице и других крупных городах, причем недовольство граждан во многом подогревалось искусственно созданным дефицитом продовольствия. В этом отношении земледельческая среда гораздо менее питательна для подобных проявлений (за исключением случаев наступления на исконные права и прочего «удушения жизненных сред»), т.к. крестьянин занят реальным делом, перед ним ежедневно стоят практические задачи, не терпящие отлагательства.

Надо понимать, что на самом деле в описываемом проекте речь идет о жизни и смерти, вообще о сохранении человека как вида. Сегодня человечество столкнулось с такими явлениями, как резкий рост и «омоложение» онкологических заболеваний, существенное снижение репродуктивного здоровья у каждого последующего поколения. Эти проблемы, а также некоторые другие явления медицинского характера (например, резистентность к антибиотикам, подавление иммунитета) тесно связаны с промышленным производством продуктов питания. Повсеместное использование гормонов роста и антибиотиков в производстве мяса, стимуляторов роста, гербицидов и пестицидов в производстве злаков, фруктов и овощей не может не сказаться на здоровье конечного потребителя.

Гормоны роста, попадая в организм взрослого человека, провоцируют появление опухолей, консерванты и антибиотики подавляют благотворную микрофлору в кишечнике и снижают иммунитет. Однако мясомолочной индустрии невозможно отказаться от подобной практики, поскольку это означает снизить эффективность, допустить падение рентабельности и в конечном итоге проиграть

конкурентам. Экологичное земледелие и животноводство возможно только в хозяйствах семейного типа, в небольших объемах и только в случае резкого увеличения числа занятых в отрасли. Однако в настоящее время в полном соответствии с мировыми трендами в России принимаются законы, существенно увеличивающие число санитарных и бюрократических требований к производителям сельхозпродукции, которые помогают агропромышленным холдингам окончательно решить вопрос с конкуренцией со стороны мелкого фермерства.

Как показали опыты Ирины Ермаковой, рост числа невыношенных и замерших беременностей, различного рода новообразований тесно связан с внедрением в пищу ГМО-продуктов, создаваемых с помощью опухолевых бактерий. Поскольку ГМО-растения не дают семенного материала, а процесс переопыления с традиционными культурами приводит к гибели семян и у последних, то вопрос возврата к экологически безопасному земледелию — ключевой для продовольственной безопасности страны. Массовое засеивание площадей ГМО-культурами также влечет за собой гибель пчел, и обычные растения остаются без насекомых-опылителей [6].

Недобросовестные производители в массовом порядке нарушают общественный договор, не оставляя потребителям другого выбора кроме как разорвать его, перейдя на самообеспечение, что неминуемо влечет за собой процессы, обратные урбанизации населения. В условиях, когда доверять нельзя никому, остается надеяться только на себя. Особенно показательна здесь молочная отрасль, в продукции которой на сегодня крайне высок процент содержания маститного молока и антибиотиков [22].

Для здоровья человека (усвоения кальция, подавления патогенной флоры в кишечнике и повышения иммунитета) ему необходимо пить свежее (желательно парное) молоко. Это возможно только в том случае, если он самостоятельно содержит здоровое животное, снабжает его отборными кормами, осуществляет процесс доения с соблюдением всех гигиенических норм, после чего употребляет в пищу свежее молоко. С относительной пищевой полезностью можно употреблять традиционные молочные продукты, имеющие небольшой срок хранения. Производителю выгодно превратить свежее молоко в сухое вещество, из которого по мере необходимости он будет изготавливать молокообразные продукты. Даже в том случае, если этого не происходит, по утверждению японского гастроэнтеролога Хироми Шинья, при пастеризации молока изменяется структура белков и уничтожаются энзимы (ферменты, предназначенные для его усвоения), при его гомогенизации (равномерном распределении жировых частиц) происходит окисление молочных жиров и свободные радикалы начинают вредить здоровью человека [32].

Загрязнение окружающей среды — ключевой фактор трансформации иммунной системы человека. Первые случаи «сенной лихорадки» появились вместе с промышленной революцией в Англии. Пыльца растений становится аллергеном, смешиваясь с загрязняющими ее частицами промышленных отходов, угольной пыли, позднее — транспортного смога. Другой фактор — повышение жизненного комфорта, проживание в искусственной городской среде. Рост бытовой чистоты

и тщательной гигиены является позитивным для здоровья человека только до какого-то разумного предела. Широко известен факт, что перед разрушением Берлинской стены численность астматиков в ГДР была в три раза ниже, нежели в ФРГ. Третий значимый фактор — технология производства продуктов питания. Яйца и молоко стали на сегодня одними из самых аллергенных продуктов не по своей природе, а вследствие использования промышленных кормов, скармливаемых в птицеводстве и молочном животноводстве крупных агрохолдингов.

Современный уровень развития бытовой и сельскохозяйственной техники существенно облегчил земледельцу многие виды наиболее изнуряющего труда, оставляя время для досуга и творческого развития. Для предлагаемого в данной статье проекта имеется и немалая социальная база. Так называемое «фермерство неполного времени» [17. С. 84—86] оказалось поразительно живучим в нашей стране в форме дачного образа жизни. Вот почему я вслед за Венделлом Берри уверена, что «избери мы этот путь, нам удалось бы либо вовсе избежать, либо сократить нынешний дефицит энергетических ресурсов и рабочих мест. Города были бы не настолько переполнены; резко сократился бы уровень преступности и количество клиентов системы социального обеспечения; вероятно, что повысилось бы и качество промышленного производства» [17. С. 150].

Цитата защитника американского фермерства как образа жизни привносит в данный проект некий универсализм и подчеркивает тот факт, что предлагаемый путь развития подходит не только для России, но и для США, Канады, других государств, обладающих в достаточном количестве земельными ресурсами и сохранившим в менталитете семейные ценности [4]. И то, что на пути его реализации были и будут существовать серьезные препятствия, объясняется тем, что в таком развитии абсолютно не заинтересованы «транснациональные элиты» [7], осуществившие окончательный разрыв с традицией и активно стремящиеся к сокращению избыточной человеческой массы [28].

Как отмечает Лидия Кривых, «традиция представляет собой область „неиндивидуальных решений“. Она превосходит индивидуальный опыт и выходит за его границы. По существу, в традиции есть диспропорция личного, индивидуального и какого-то общего, надиндивидуального, всеобщего. Отношение единичной неповторимой личности и неличного набора ценностей, и способов их реализации в виде закреплённых стереотипов поведения (всего, что включается в традицию) очень непросто. Часть западных исследователей упор в этом двойственном значении традиции определенно делают на ее негативной, ограничивающей личность стороне. Как правило, интерес таких исследователей сосредоточен на проблемах модернизации, и поэтому традиционные институты, обычаи и способ мышления рассматривались ими препятствия к развитию общества. Однако и они в последнее время стали рассматривать традицию как возможный фундамент инновационных изменений» [11. С. 85].

Сегодня все больше не только отечественных, но и западных авторов приходят к мысли о том, что «в наше время принцип рационального выбора фактически утратил свое значение в качестве важного института свободы и, в его нынешнем виде, больше похож на институт угнетения индивидуумов». В то же время

«обрести спасение от „тирании рационального выбора“ людям удастся в той или иной разновидности „иррационального выбора“. Успешность подобных попыток часто зависит от возможности „найти прибежище“ под сенью традиционного ритуализма и вообще любого института культуры, поддерживающего иррациональный (точнее, альтернативный, не подпадающий под господствующий стереотип рациональности) способ поведения», под который «задним числом» подводится рационалистическая подоплека [9. С. 267—268].

Когда-то фундаментальными символами русского традиционного сознания являлись понятия «Мир» и «земля», первый из которых представлял собой административное образование, а второй — хозяйственное. Кроме того, для «глубинных архетипических структур подсознания Земля являлась символом общности, объединяющим всю нацию. Она не могла кому-либо принадлежать, так как принадлежала „Миру“ в целом. В глазах русского народа земля была Божья или государственная, что, в конечном счете, для него было тождественным. Право на землю появлялось тогда, когда в нее вложен труд. Так как основной формой хозяйствования была община, то и обрабатывалась земля „всем миром“. Соответственно и принадлежала она — „миру“. Благодаря труду предков земля становилась достоянием потомков. Общество при этом по традиции оставалось недостаточно автономным и независимым, а граждане были оставлены на милость или немилость государства» [12. С. 135—136].

Реформы Петра I были первой попыткой осуществить замену типа мышления русского народа: на смену образно-символическому должно было прийти рационально-логическое. Второй попыткой явилось столыпинское внедрение индивидуалистического сознания в саму крестьянскую общину, мешавшую развитию капиталистических отношений. В ходе ее реализации стремились на западный манер превратить общинного крестьянина в хуторского собственника. При этом происходило разрушение традиционно сложившегося в русском сознании образа «матушки», «кормилицы» земли и низведение ее до уровня обычного товара. Такое отношение к земле было не характерно для русского сознания. «Вероятно, поэтому так велико было сопротивление этой реформе со стороны крестьянства. Действия крестьян можно рассматривать как попытку защиты целостности существующей картины мира, как желание восстановить должную иерархию мироздания. То, что для западной культуры может быть капиталом, для русской — духовное достояние нации» [12. С. 140].

Есть и рациональные причины такого сопротивления: крестьянская община была своеобразным демократическим институтом принятия решений и средством социальной защиты в условиях рискованного земледелия. Именно поэтому в условиях капитализма общину необходимо было разрушить. С «миром» и его решениями ничего нельзя было поделать, с отдельным индивидуумом — можно было сделать все, что угодно.

В российской истории есть значительный исторический опыт самоуправления. В дореволюционный период «активно работали такие сугубо демократические структуры, как казацкие круги, вече, Земские соборы, крестьянские сходы, земское самоуправление... Саморазвитие и самоорганизация русской экономики

на селе осуществлялись в рамках самоуправления общины, создававшей условия для проявления хозяйственной инициативы и предприимчивости каждого отдельного крестьянина» [25. С. 169]. «Одна или несколько деревень составляли мир, сельское общество со своим демократическим собранием — сходом — и своим выборным управлением — старостой, десятским, сотским... На сходах обсуждались дела по общинному владению землей, ее разделу и перераспределению, раскладу податей, переселению новых членов общины, проведению выборов, вопросы пользования лесом, строительство плотин, сдача в аренду рыболовных угодий и общественных мельниц и т. д. На сходах отдельных селений (чаще составлявших только часть общины) регулировались все стороны трудовой жизни села — сроки начала и окончания сельских работ, починка дорог, наем пастухов и сторожей, штрафы за самопроизвольные порубки, неявка на сход, конфликты между членами общины и т.д.» [25. С. 170]. В советский период на новом витке развития практики сельского самоуправления и коллективные структуры собственности на землю были некоторым образом возрождены и получили развитие на уровне колхозов [13], как бы сегодня не стремились обогатить их историю.

К реформам 1990-х стало казаться, что принцип «все вокруг — колхозное, все вокруг — ничье» сдерживает частную инициативу и является тормозом для хозяйственного развития. Однако переход к фермерству сразу же повлек за собой хищническое отношение к земле. В период работы экономистом в Калмыцком предприятии «ЮжНИИгипрозем» мне приходилось сталкиваться с таким явлением, как нерациональное использование плодородных почв. Если в колхозах работали агрономы и соблюдался севооборот, то фермеры стали засеивать свои участки в течение ряда лет монокультурой, от которой ожидали получения наибольшего дохода, без учета того факта, что она выносит большое количество питательных веществ. А затем, когда урожаи падали, поля забрасывали, а кредиты, получаемые на развитие фермерского хозяйства, направляли в коммерцию, где было меньше рисков, короче окупаемость и выше рентабельность. Коллектив института тогда выдвигал ряд предложений, так и не принятых, в том числе по повышению земельного налога до размеров дифференциальной ренты I (обусловленной природным плодородием почвы), с целью побуждения частника к получению дифференциальной ренты II (обусловленной развитием агрокультуры), остающейся в его распоряжении.

Сегодня китайские арендаторы российских земель, подходя к ним утилитарно-прагматически, нередко загрязняют почвы таким количеством удобрений и сельскохозяйственной химии, что надолго превращают их в «мертвые», непригодные для возделывания. Сам принцип частной собственности на землю предполагает, что собственник может поступать с ней по своему усмотрению, тогда как сельскохозяйственные земли находятся в уникальном биогеоценозе с окружающей природой, а их произвольное использование легко может привести к нарушению экологического баланса в регионе.

Традиционно высокое почитание земли было характерно не только для русских. Так, Сергей Маркедонов, более 10 лет назад анализируя принципиальную неразрешимость многих кавказских конфликтов, сформулировал концепцию

«своей земли», которая не позволяет подойти к урегулированию рационалистически. Если бы все сводилось к ресурсам и финансам (с их последующим правовым закреплением), то в том же Нагорном Карабахе было бы легко реализовать план американского ученого Пола Гобла по обмену территориями, в результате чего между Нахичеванью (анклавной территорией под азербайджанской юрисдикцией) и остальным Азербайджаном образовался бы коридор. Это было бы достигнуто путем передачи Азербайджану части армянской территории, а взамен Армения получила бы часть Нагорного Карабаха, населенную армянами. «Но план Гобла остался на бумаге, так как натолкнулся на совершенно иррациональный, с точки зрения западного человека, аргумент: передавать „свою землю“ противнику нельзя... Проблема в том, что за период многовекового исторического развития у всех народов Кавказа сложилось свое понимание этнической идентичности, существенно отличающееся и от „немецкой“ концепции нации (по крови), и от „французской“ (по гражданству). Основное в „кавказской“ идентичности — „своя“ земля. Родная земля здесь рассматривается как святыня, как нечто совершенно независимое от ее экономической или геополитической ценности» [15].

Если говорить о «русских» регионах Кавказа (Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края), то их жители, как правило, тоже «воспринимают эту территорию как „свою землю“, как российский форпост, то есть как завоеванную у враждебного окружения, а затем освоенную и интегрированную в состав России» [15].

Сегодня ценность леса, воды, земли — наших природных богатств совсем иная, а мы обратились к институтам хозяйствования, сложившимся в Западной Европе, где: во-первых, земли исторически было мало, вследствие чего каждый клочок ее был поделен между собственниками; во-вторых, сложилась индивидуалистическая (в отличие от российской неиндивидуалистической) ментальность; в-третьих, все это происходило в иной исторической реальности, когда утилитарно-прагматическое мышление и реалии глобализации еще не разрушили традиционное отношение к земле.

Ключевое значение многого из произошедшего в России в последние 20—30 лет состоит в извлечении уроков из полученного опыта. Это не значит, что западную модель развития необходимо полностью игнорировать. Западный опыт необходимо знать и учитывать, но отнюдь не абсолютизировать. Капиталистические реформы в России затевались по универсальной модели [20], без учета того, что в нашем государстве всегда превалировала не протестантская этика индивидуального спасения (в том числе через достижение успеха), а этика соборности, коллективизма и служения. Надо строить свой проект с опорой именно на эти ценности. Ибо российский человек не может обрести счастье в возрастающем потреблении, подлинность его существованию придают только наличие Общего Дела и Высокого Смысла.

Однако аутентичное развитие, ориентированное на самозанятость, самообеспечение и, в конечном итоге, на самодостаточность, предполагает аутентичную политико-философскую мысль. Как только мы начинаем говорить о модернизации, демократизации, догоняющем развитии, мы погружаемся в заранее обрекающую

нас на поражение логику. Как только мы называем СССР тоталитарным — мы совершаем предательство собственного прошлого. Усилия десталинизаторов на сегодня привели к тому, что в обществе активно протекают процессы формирования протестной идентичности, включая ресталинизацию, возвышение и оправдание тех моментов российской истории, которые прежде подверглись злостному очернительству. К сожалению, один из этапов российской истории — социализм советского типа — некапиталистический опыт развития, который пока еще не дождался справедливой и объективной оценки, без которой невозможно нащупать аутентичный путь.

В то же время, как ни удивительно, многие советские репрессивные меры сегодня возрождаются на Западе. Израиль в борьбе с террористическими атаками палестинцев давно (и успешно) применяет практику коллективной ответственности, заклеянную нами в сталинском СССР. Расследование трагедии на набережной Ниццы в июле 2016 г. и множества других аналогичных случаев доказывает, что террористы-смертники нередко рассматривают свою деятельность как способ обеспечить семьи. Феномен коллективной ответственности (репрессии против близких, не позволяющие им распорядиться средствами, полученными от террористической деятельности) обесмысливает подобную жертву. Борьба с терроризмом невозможна без всеобщей бдительности, возведенной ныне в ранг гражданского долга, тогда как аналогичные практики в тяжелейших условиях становления молодого советского государства были нами единодушно отнесены в разряд «стукачества».

Либеральная общественность сегодня нередко сосредоточена на осуждении прошлого, не обращая внимания на несправедливости настоящего, особенно в сфере трудовых отношений: чрезмерную эксплуатацию, отсутствие социальных гарантий, повсеместную практику грубых нарушений трудового законодательства со стороны работодателя, фиктивность деятельности профсоюзов и т.д. Тогда как у каждой общественной модели есть свои достоинства и недостатки. В ходе трансформации советской системы наше общество хотело обменять недостатки собственной модели на достоинства западной. В итоге потеряло завоевания советского периода и приобрело многие издержки рыночного либерализма, которые теперь еще только предстоит преодолеть.

Отказ государства от контролирующих функций с целью свободного развития частнособственнической инициативы повлек за собой выброс на рынок огромного количества фальсификата и просто некачественной продукции, чему ранее успешно препятствовали СЭС, ОТК, народный контроль и т.п. институты. Предприниматели уклонялись от уплаты налогов любыми способами, в том числе путем выплаты зарплат «в конвертах», с которых не начисляли взносы в Пенсионный фонд и фонды социального страхования. Это повлекло за собой переход к накопительной схеме пенсий. Таким образом людей пытались побудить самих позаботиться о своей старости, как будто легальное начисление зарплаты — это сфера ответственности работника, а не работодателя. Сегодня вопрос встал уже о повышении пенсионного возраста, до которого граждане и так частенько не доживают. Выходит, что патерналистское советское государство не только репрессировало население, но и вносило немалую лепту в его гуманитарную и социальную защиту.

Заимствуя основные наработки зарубежной политологии, которая, будучи наукой молодой, на начальном этапе своего становления развивалась в основном на Западе, в антагонистической системе «капиталистического лагеря» и преследовала, прежде всего, цель разрушения «социалистического содружества» как альтернативной геополитической системы, отечественная политическая наука и система заимствовала в качестве идеала и образца для внедрения: демократию — в политической сфере, рынок — в сфере экономической, общество потребления — в сфере ценностной.

Постсоветская история убедительно доказала, что представительная парламентская демократия нередко находится еще дальше от народовластия, нежели демократия народная. Российский опыт также подтвердил тот факт, что рынок сам по себе не является ценностью. Более того, он словно ржавчина разъедает любую нерыночную сферу, в которую внедряется, превращая ее в профанацию. Особенно если это глобальный рынок. То же касается и научного прогресса. Слишком большая эффективность и интенсивность порождает иные проблемы (новые болезни или «лишних» людей), что ведет к внедрению различных способов депопуляции населения (в Африке — с помощью войн и бактериологического оружия, в Европе — путем пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений). Ориентация на ценности потребления обесмысливает человеческое существование, истощает планетарные ресурсы и ведет к загрязнению экологии.

Сутью аутентичного проекта, о котором я говорю, является свобода трудиться вместо свободы потреблять, а также смещение вектора развития от «демократии по форме» к «демократии по содержанию». Подобная смена парадигмы развития позволила бы нашему государству получить опору в лице реальных тружеников, неразрывно связанных с отеческой землей, людей, умеющих принимать решения и претворять их в жизнь, чье существование наполнено подлинным смыслом.

В мире неустойчивых институтов, больших рисков и высокой степени неопределенности консервативные стратегии — единственный способ принятия решений, ибо больше просто не на что опереться. Поэтому нужно беречь и хранить свою традицию. Тот, кто придерживается консервативной стратегии, всегда выигрывает. Еще недавно казалось, что современный человек может обеспечить себе безбедную старость при помощи инвестиций в частные пенсионные фонды. Финансовые кризисы последних десятилетий развеяли иллюзию о том, что можно прожить, не утруждая себя рождением и воспитанием детей (желательно нескольких), которые в традиционном обществе являются социальной гарантией старости. Угроза СПИДа и др. ЗППП положила предел половой распушенности и доказала, что консервативная традиция сохранения целомудрия до брака и верности в браке — отнюдь не религиозный предрассудок.

Еще недавно медицина и микробиология придерживались простой и ясной линии рассуждений: у каждой болезни есть своя причина или возбудитель. Сегодня большинство недугов имеют комплексный характер и неясную этиологию. Консервативная стратегия подсказывает растить детей на свежем воздухе и поить козьим молоком. А позднейшие современные научные исследования подтверждают, что у многих часто болеющих детей существуют особенности

нервных реакций [27], обусловленные нехваткой кальция из-за дефицита витамина Д и аллергии на белок коровьего молока.

Наблюдения за российской деревней последних лет позволили мне сделать вывод о том, что данный сегмент российского общества в наименьшей степени подвержен влиянию экономических кризисов. Народ разводит свиней, овец, птицу, имеет собственные молочные продукты, распахивает землю и нимало не печалится относительно санкций Евросоюза. Отказ от парадигмы модернизации в пользу аутентичного развития предполагает отказ от западной модели, которая отучает работать, ориентирует на труд мигрантов, предполагает, что новые поколения будут расти на свежем воздухе и потреблять продукты питания, произведенные в близлежащем хозяйстве.

Мы три десятилетия живем в состоянии перманентного реформирования, тогда как реформы — лучший способ парализовать деятельность любой структуры, не говоря о государстве в целом. Пора перестать пытаться соответствовать установленным извне критериям. Процессы глобализации требуют надежных оснований сохранения и развития культурной идентичности. Одним из таких оснований является историческая память как закреплённый в индивидуальном и общественном сознании опыт исторического прошлого, необходимое условие сохранения и развития государственного и культурного суверенитета и основа формирования зрелых качеств гражданственности и патриотизма [16]. Надо строить государство по собственному проекту с учетом уже имеющегося опыта, из которого пока еще не поздно сделать верные выводы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Аверьянов В.В.* Традиция и динамический консерватизм. М.: Институт динамического консерватизма, Центральный издательский дом, 2012. 696 с.
2. *Глазьев С.Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010. 254 с.
3. *Делягин М.* Путь России: Новая опричнина, или почему не нужно «валить из Рашки». М.: Эксмо, 2011. 416 с.
4. *ДуФрейн Д.* Американская семья сегодня: парадокс трансформации семьи на фоне сохранения прежних семейных ценностей // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1. С. 73—87. Режим доступа: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/17827>. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-73-87>.
5. *Дугин А.* Археомодерн // Философский портал Арктогея, 2008. Режим доступа: <http://arcto.ru/article/1472>. Дата обращения: 16.03.2018.
6. Запрет ГМО в России: за и против // Аргументы и факты, 06.07.2016. Режим доступа: http://www.aif.ru/food/products/zapret_gmo_v_rossii_za_i_protiv. Дата обращения: 08.07.2016).
7. *Иванов В.Г.* Транснациональные элиты: кто они? Концептуальное поле исследования. М.: Российский ун-т дружбы народов, 2007. 254 с.
8. *Калашиников М.* Новая опричнина, или Модернизация по-русски. М.: ФОЛИО, 2011. 448 с.
9. *Капустин Б.Г., Мюрберг И.И., Федорова М.М.* Этюды о свободе. Понятие свободы в европейской общественной мысли. М.: Аквилон, 2015. 288 с.
10. *Крамар А.А.* А.В. Чаянов на пути к созданию теории некапиталистических форм хозяйства // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1. С. 33—43. Режим доступа: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/17824>. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-33-43>.

11. *Кривых Л.В.* Русская ментальность: соотношение традиционного и вариативного // Проблемы российского самосознания: архаическое, традиционное и инновационное начала. Материалы 4-й Всероссийской конференции 27—29 мая 2009 г. Москва—Белгород. М.: ИФРАН, 2010. С. 79—85.
12. *Кривых Л.В.* Символический мир как основа самоидентификации // Политико-философский ежегодник. Вып. 2. М.: ИФ РАН, 2009. С. 130—141.
13. *Кукушкин Ю.С.* Традиции общинной демократии в формировании и деятельности сельских Советов в 1920-е гг. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2012. № 4. С. 70—79. Режим доступа: <http://journals.rudn.ru/russian-history/article/view/3786>.
14. *Львов Д. С.* Свободная экономика России: взгляд в XXI век. М., 2000. 54 с.
15. *Маркедонов С.* Кавказ в поисках «своей земли». Проблемы легитимности и безопасности в регионе, 2006. Режим доступа: http://www.ca-c.org/journal/2004/journal_rus/cac-02/06.marrus.shtml. Дата обращения: 16.03.2018.
16. *Мысливец Н.Л., Романов О.А.* Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18 № 1. С. 9—19. Режим доступа: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/17822>. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-9-19>.
17. *Мюрберг И.И.* Аграрная сфера и политика трансформации. М.: ИФ РАН, 2006. 174 с.
18. *Панарин А.С.* Народ без элиты. М.: Алгоритм, Эксмо, 2005. 352 с.
19. *Радкевич К.В., Шабага А.В.* Оппозиция «запад—незапад» в социальной мысли: pro et contra // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1. С. 20—32. Режим доступа: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/17823>. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-20-32>.
20. *Сакс Дж.* Рыночная экономика и Россия: Пер. с англ. М.: Экономика, 1994. 331 с.
21. *Самарская Е.А.* Подъем и упадок индустриального социализма. М.: ИФ РАН, 2007. 253 с.
22. *Серегин И.Г., Никитченко Д.В., Королева Л.Г., Сноз Г.В.* Совершенствование ветеринарно-санитарного контроля молока на крупных перерабатывающих предприятиях // Вестник РУДН. Серия: Агрономия и животноводство. 2017. Т. 12. № 1. С. 86—92. Режим доступа: <http://journals.rudn.ru/agronomy/article/view/15669>. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2312-797X-2017-12-1-86-92>.
23. *Симуш П.А.* Судьба традиционных ценностей: изжитие или долговечность? // Духовные основания деятельности / Отв. ред. С.А. Никольский. М.: ИФ РАН, 2008. С. 130—150.
24. Современные проблемы Российского государства. Философские очерки / Коллектив авторов. Под общей ред. В.Н. Шевченко. М.: Прогресс-Традиция, 2015. 464 с.
25. *Соколова Р.И.* Генезис российской бюрократии // Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни / Отв. ред. В.Н. Шевченко. М.: ИФ РАН, 2008. С. 150—172.
26. *Спиридонова В.И.* Западные теории бюрократии и российская действительность // Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни / Отв. ред. В.Н. Шевченко. М.: ИФ РАН, 2008. С. 7—62.
27. *Усейнова Н.Н., Колмакова Т.С., Шовкун В.А., Мизерницкий Ю.Л.* Особенности формирования нейровегетативных реакций в онтогенезе у часто болеющих детей // Вестник РУДН. Серия: Медицина. 2009. № 3. С. 87—92. Режим доступа: <http://journals.rudn.ru/medicine/article/view/13599>.
28. *Фурсов А.* Водораздел. Необуржуазия или всадники капиталистического апокалипсиса, 14.03.2018. Режим доступа: <http://andreyfurov.ru/news/>. Дата обращения: 19.03.2018.
29. *Фурсов А.И.* Колокола истории. М.: ИНИОН РАН, 1997. 488 с.
30. *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство: избранные труды. М.: Экономика, 1989. 492 с.
31. *Шевченко В.Н.* Российское государство и российская бюрократия: ретроспектива и перспектива // Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни / Отв. ред. В.Н. Шевченко. М.: ИФ РАН, 2008. С. 101—149.
32. *Шинья Х.* Пить молоко, купленное в магазине, вредно. Режим доступа: <http://www.medikforum.ru>. Дата обращения: 30.01.2016.

THE CONCEPT OF AUTHENTIC DEVELOPMENT AS AN ALTERNATIVE IDEOLOGY OF MODERNIZATION

S.G. Ilinskaya

The Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
Goncharnaya str., 12, Moscow, Russia, 109240

Abstract. This article is devoted to Russian identity and “Russian way” in ecology, economy, politics and social relations. It also can be considered as presentation of the new concept of development. The author formulates the concept of authentic development as a global and local ideology which key aspects are tradition, family and agriculture values, conservative strategy and alternative rationality.

After the Soviet system’s transformation, one of the problems of contemporary Russia is non-critical attitude to Western political and social theory that leads to the deformation of the social relations and ideological crisis. Also, the subject of the article is critical analysis of postmodern consumer society. The author uses methods of political conceptology. The author proposes “philosophy of life”, integrated in the project of socio-political transformation.

One of main conclusions of the study consists in assertion that the global liberal democracy concept has exhausted itself because it was made in the framework of repressive logic. Russia today does not need modernization or democratization. It needs its own authentic development project. Moreover, the project of authentic development can be universally alternative ideology for the most various participants of international relations.

Key words: authentic development, tradition, true values, agrarian sphere, conservative strategy, alternative rationality, consumer society

REFERENCES

1. Aver'yanov V.V. *Tradiciya i dinamicheskij konservatizm*. Moscow: Institut dinamicheskogo konservatizma, Central'nyj izdatel'skij dom; 2012. 696 p. (In Russ.).
2. Glaz'ev S. YU. *Strategiya operezhayushchego razvitiya Rossii v usloviyah global'nogo krizisa*. Moscow: EHkonomika; 2010. 254 p. (In Russ.).
3. Delyagin M. *Put' Rossii: Novaya oprichnina, ili pochemu ne nuzhno "valit' iz Rashki"*. Moscow: EHkmo; 2011. 416 p. (In Russ.).
4. DiFrejn D. Amerikanskaya sem'ya segodnya: paradoks transformacii sem'i na fone sohraneniya prezhnih semejnyh cennostej. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*. 2018; Vol. 18; 1: 73—87. Available from: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/17827>. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-73-87>. (In Russ.).
5. Dugin A. Arheomodern. *Filosofskij portal Arktogeya*. 2008. Available from: <http://arcto.ru/article/1472>. (In Russ.).
6. Zapret GMO v Rossii: za i protiv. *Argumenty i fakty*. 06.07.2016. Available from: http://www.aif.ru/food/products/zapret_gmo_v_rossii_za_i_protiv. (In Russ.).
7. Ivanov V.G. *Transnacional'nye ehlity: kto oni? Konceptual'noe pole issledovaniya*. Moscow: Rossijskij un-t družby narodov; 2007. 254 p. (In Russ.).
8. Kalashnikov M. *Novaya oprichnina, ili Modernizaciya po-russki*. Moscow: FOLIO; 2011. 448 p. (In Russ.).
9. Kapustin B.G., Myurberg I.I., Fedorova M.M. *Ehtyudy o svobode. Ponyatie svobody v evropejskoj obshchestvennoj mysli*. Moscow: Akvilon; 2015. 288 p. (In Russ.).
10. Kramar A.A. A.V. CHayanov na puti k sozdaniyu teorii nekapitalisticheskikh form hozyajstva. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*. 2018; Vol. 18; 1: 33—43. Available from: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/17824>. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-33-43>. (In Russ.).

11. Krivyyh L.V. Russkaya mental'nost': sootnoshenie tradicionnogo i variativnogo. *Problemy rossijskogo samosoznaniya: arhaicheskoe, tradicionnoe i innovacionnoe nachala. Materialy 4-j Vserossijskoj konferencii 27—29 maya 2009 g. Moskva-Belgorod*. Moscow: IFRAN; 2010: 79—85. (In Russ.).
12. Krivyyh L.V. Simvolicheskij mir kak osnova samoidentifikacii. *Politiko-filosofskij ezhegodnik. Vyp. 2*. Moscow: IF RAN; 2009: 130—141. (In Russ.).
13. Kukushkin YU.S. Tradicii obshchinnoj demokratii v formirovanii i deyatel'nosti sel'skikh Sovetov v 1920-e gg. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii*. 2012; 4: 70—79. Available from: <http://journals.rudn.ru/russian-history/article/view/3786>. (In Russ.).
14. L'vov D.S. *Svobodnaya ehkonomika Rossii: vzglyad v XXI vek*. Moscow; 2000. 54 p. (In Russ.).
15. Markedonov S. *Kavkaz v poiskah "svoej zemli"*. *Problemy legitimnosti i bezopasnosti v regione, 2006*. Available from: http://www.ca-c.org/journal/2004/journal_rus/cac-02/06.marrus.shtml. (In Russ.).
16. Myslivec N.L., Romanov O.A. Istoricheskaya pamyat' kak sociokul'turnyj fenomen: opyt sociologicheskoy rekonstrukcii. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*. 2018; Vol. 18; 1: 9—19. Available from: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/17822>. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-9-19>. (In Russ.).
17. Myurberg I.I. *Agrarnaya sfera i politika transformacii*. Moscow: IF RAN; 2006. 174 p. (In Russ.).
18. Panarin A.S. *Narod bez ehliny*. Moscow: Algoritm, EHksmo; 2005. 352 p. (In Russ.).
19. Radkevich K.V., SHabaga A.V. Opoziciya "zapad-nezapad" v social'noj mysli: pro et contra. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*. 2018; Vol. 18; 1: 20—32. Available from: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/17823>. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-20-32>. (In Russ.).
20. Saks Dzh. *Rynoch'naya ehkonomika i Rossiya*. Moscow: EHkonomika; 1994. 331 p. (In Russ.).
21. Samarskaya E.A. *Pod'em i upadok industrial'nogo socializma*. Moscow: IF RAN; 2007. 253 p. (In Russ.).
22. Seregin I.G., Nikitchenko D.V., Koroleva L.G., Snoz G.V. Sovershenstvovanie veterinarno-sanitarnogo kontrolya moloka na krupnyh pererabatyvayushchih predpriyatiyah. *Vestnik RUDN. Seriya: Agronomiya i zhivotnovodstvo*. 2017; Vol. 12; 1: 86—92. Available from: <http://journals.rudn.ru/agronomy/article/view/15669>. DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2312-797X-2017-12-1-86-92>. (In Russ.).
23. Simush P. A. Sud'ba tradicionnyh cennostej: izzhitie ili dolgovechnost'? *Duhovnye osnovaniya deyatel'nosti*. Otv. red. S.A. Nikol'skij. Moscow: IF RAN; 2008: 130—150. (In Russ.).
24. *Sovremennye problemy Rossijskogo gosudarstva. Filosofskie ocherki*. Kollektiv avtorov. Pod obshchej red. V.N. SHEvchenko. Moscow: Progress-Tradiciya; 2015. 464 p. (In Russ.).
25. Sokolova R.I. Genezis rossijskoj byurokratii. *Byurokратиya v sovremennom mire: teoriya i realii zhizni*. Otv. red. V.N. SHEvchenko. Moscow: IF RAN; 2008: 150—172. (In Russ.).
26. Spiridonova V.I. Zapadnye teorii byurokratii i rossijskaya dejstvitel'nost'. *Byurokратиya v sovremennom mire: teoriya i realii zhizni*. Otv. red. V.N. SHEvchenko. Moscow: IF RAN; 2008: 7—62. (In Russ.).
27. Usejnova N.N., Kolmakova T.S., SHovkun V.A., Mizernickij YU.L. Osobennosti formirovaniya nejrovegetativnyh reakcij v ontogeneze u chasto boleyushchih detej. *Vestnik RUDN. Seriya: Medicina*. 2009; 3: 87—92. Available from: <http://journals.rudn.ru/medicine/article/view/13599>. (In Russ.).
28. Fursov A. Vodorazdel. *Neoburzhuaziya ili vsadniki kapitalisticheskogo apokalipsisa*. 14.03.2018. Available from: <http://andreyfursov.ru/news/>. (In Russ.).
29. Fursov A.I. *Kolokol istorii*. Moscow: INION RAN; 1997. 488 p. (In Russ.).
30. CHayanov A.V. *Krest'yanskoe hozyajstvo: izbrannye trudy*. Moscow: EHkonomika; 1989. 492 p. (In Russ.).

31. Shevchenko V.N. Rossijskoe gosudarstvo i rossijskaya byurokratiya: retrospektiva i perspektiva. *Byurokratiya v sovremennom mire: teoriya i realii zhizni*. Otv. red. V.N. Shevchenko. Moscow: IF RAN; 2008: 101—149. (In Russ.).
32. SHin'ya H. *Pit' moloko, kuplennoe v magazine, vredno*. Available from: <http://www.medikforum.ru>. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Ильинская Светлана Геннадьевна — кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора истории политической философии ФГБУН «Институт философии Российской академии наук» (e-mail: svetlana_ilinska@mail.ru).

Information about the author:

Ilinskaya Svetlana Gennadijevna — PhD, senior research fellow of the Department of History of Political Philosophy at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (e-mail: svetlana_ilinska@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 22.03.2018.

Received 22.03.2018.

© Ильинская С.Г., 2018.